

**КИНЕМАТОГРАФИЗМ В ПЬЕСЕ ИВАНА ВЫРЫПАЕВА
«ВАЛЕНТИНОВ ДЕНЬ»
CINEMATOGRAPHY IN IVAN VYRYPAYEV'S PLAY «VALENTINE'S DAY»**

Аннотация: В статье произведен анализ кинематографической поэтики пьесы Ивана Вырыпаева «Валентинов день». Особое место в пьесе занимают монтажные приемы в построении текста произведения, при помощи которых автор соединяет две пьесы: собственное произведение «Валентинов день» и пьесу М. Рождина «Валентин и Валентина».

Ключевые слова: литературная кинематографичность; кинематографическая поэтика; монтаж; пьеса.

Abstract: The article analyzes the cinematic poetics of Ivan Vyrypayev's play «Valentine's Day». A special place in the play is occupied by montage techniques in the construction «Valentine's Day» and the play «Valentin and Valentina» by M. Roshchin.

Keywords: literary cinematography; cinematic poetics; installation; play.

Иван Вырыпаев – российский актёр и режиссёр театра и кино, сценарист, продюсер и драматург. Произведения И. Вырыпаева поставлены на сцене театров Польши, Болгарии, Чехии, Германии, Англии, Франции, Канады. Пьесы «Сны», «Кислород», «Валентинов день» переведены на ряд иностранных языков.

Пьеса «Валентинов день» написана в 2001 году, позже поставлена на сцене Молодежного театра режиссером А. Янковским. «Валентинов день» – постскрипtum к известнейшей пьесе Михаила Рождина «Валентин и Валентина», написанной в 1970 году, поставленной не только на сцене, но и в кино, в 1985 г. был снят одноименный фильм режиссером Георгием Натансоном.

Главные герои пьесы М. Рождина «Валентин и Валентина» – это влюбленные студенты Валентин и Валентина. На страницах произведения разыгрывается история любви. Преградой на пути влюбленных становится не только отсутствие родительского согласия на их отношения, но и обыденная жизнь: отсутствие денег, жилья, образования. Произведение М. Рождина завершается словами: *«И они начинают смеяться. Они смеются, еще не зная, какая жизнь ждет их впереди. Но первую победу они одержали»* [4].

С будущим героев мы знакомимся в пьесе И. Вырыпаева «Валентинов день». И. Вырыпаев ставит точку в этой истории вместо многоточия. Автор оставляет в пьесе всего трех героев, которые составляли основу любовного треугольника оригинальной пьесы.

Эпиграфом к пьесе послужила цитата арабского философа IX в. Кора Аль Музани: *«Не пытайтесь искать логику во времени – во времени логики нет. Не пытайтесь объяснить время логическим путем, времени, как такового, не существует. Есть две вещи: любовь и любовь»*. Данный эпиграф настраивает читателя на то, что временные границы будут размыты, это акцентируется в списке действующих лиц пьесы:

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Валентина – 60 лет.

Катя – 18–20, 35–40, 60 лет

Валентин – 18–20, 35–40 лет.

Мы видим главных героев, Катю и Валентина, сразу в нескольких возрастах: молодость, зрелость, пожилой возраст.

Во время всей пьесы Валентина, главная героиня, постоянно перемещается во времени: возвращается в прошлое, проживает снова определенные моменты из жизни, переоценивает события прошлого с мудростью прожитых лет.

«А в юности, мы такие слова друг другу говорили, поверить трудно. Кокетничали. Но и страдали, конечно. Нам родители встречаться не разрешали, а мы дурачки места себе не находили. Сейчас я думаю: чего страдали? Родители уже умерли, он умер, – знали бы, что так получится, может, как-нибудь по-другому время то проводили».

Все разветвленные события пьесы происходят в один день, день рождения Валентины и день смерти Валентина, «...действие не развивается, а словно ходит по окружности точки, где разные эпизоды, сосуществуя, создают мозаику хаоса, пространства, лежащего вне времени и материального мира» [4].

Для изображения различных периодов жизни драматург использует в пьесе монтажную технику в построении композиции. Этот кинематографический прием позволяет автору сказать, что в прошлое мы можем вернуться мысленно, в памяти, но изменить уже ничего не можем, поэтому нужно совершать что-то важное сейчас, чтобы потом не сожалеть о несовершенных поступках.

Внутри одной сцены монтажность проявляется в первую очередь в том, что автор «склеивает» две пьесы: «Валентинов день» и пьесу М. Рощина «Валентин и Валентина». При изображении прошлого героев драматург полностью цитирует отрывки из пьесы «Валентин и Валентина» М. Рощина.

Входит Катюша, соседка, некрасивая милая девушка. В руке чашка.

ВАЛЕНТИН. А, Катя, привет!

КАТЯ. У вас маслица подсолнечного нет немножко?

ВАЛЕНТИН. Посмотри, наверное, есть.

КАТЯ. Тут есть, я отолью чуточку, Валя, ты, если хочешь, иди к нам занимайся, я в ночную ухожу:

ВАЛЕНТИН. Спасибо. Мама уехала, ничего.

КАТЯ. Валя, мы в деревню едем, я отгул беру, у нас Ольга замуж выходит.

ВАЛЕНТИН. Я слышал.

КАТЯ. Они и тебя звали. Они тебя помнят, как мы с тобой в Первомайке были.

На основе монтажа построен «МОНОЛОГ КАТЕРИНЫ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ КУПАНИЯ В ПРУДУ». Монолог Кати постоянно прерывается «внутренним» воображаемым диалогом, который ведут между собой Валентина и Валентин.

«Само собой разумеется, что Катя не слышит диалога Валентины и Валентина, она ведь еще в молодости начала вату в уши вставлять, у нее, ведь с юности уши болят. К тому же диалог их состоялся, как бы, не на самом деле, а у Валентина внутри, там, где обычно и происходят такие диалоги. Поэтому Катя, думая, что ее, слушают, стала рассказывать о том, как она купалась в пруду».

Монолог строится в форме «вертикального монтажа (термин С. М. Эйзенштейна), на базе данной конструкции возникает сложная монтажная комбинация: чередование наблюдаемого / слышимого и наблюдаемого / неслышимого» [2]:

И каждый раз, перед тем как войти в воду, я стою и мечтаю о лучшей жизни. Мне бы от комаров нужно отмахиваться, а стою неподвижно и мечтаю. Голая. Я всегда в этом пруду голая купаюсь. Рядом то все равно никого нет, никто не меня не увидит.

ВАЛЕНТИН. Тебе то что? Тебе то, какая разница? Может, я хотел, как приличный человек, в шикарном бассейне.

ВАЛЕНТИНА. Слюнтяй!

ВАЛЕНТИН. Это ты мне?

ВАЛЕНТИНА. Тебе. Слюнтяй, идиот, трус!

И вдруг, неожиданно для себя, как плюхнусь в воду. И стараюсь, как можно дольше под водой проплыть. Только когда уже совсем невмоготу становится, когда уже очень сильно хочется дышать, я всплываю.

ВАЛЕНТИН. Да никто меня не спасал, никто даже не догадался, что я утонуть хотел. Я же из-за тебя, из-за тебя, да из-за матери, чтобы все выглядело как несчастный случай, понимаешь? Мало ли случаев, когда люди в бассейнах тонули. Только у меня почему-то не получилось. Я изо всех сил старался, но меня будто кто-то из воды выталкивал. Мистика какая-то.

А потом плыву к другому берегу, ноги, правда, путаются в водорослях, но я стараюсь одними руками грести, а ногами только слегка помогать. Я в этот момент, наверное, на русалку похожа, если бы ты, Валя, только увидел меня в пруду, ты бы сразу же голову потерял.

ВАЛЕНТИНА. Все равно, как тебе только могла такая идея в голову прийти – самовольно с жизнью расставаться?

Благодаря данному приему создается визуализация этой сцены, все происходит, «как в кино». Пред нами отрывок из многочисленных фильмов, построенных на основе любовного треугольника.

Для создания эффекта полного равнодушия героя к человеку, который ему что-то говорит, режиссер показывает диалог этих двух героев, во время которого один из собеседников не воспринимает говорящего, вспоминает о своем.

Поэтика монтажа в данной пьесе, безусловно, выступает на передний план, «...автор намеренно создает ощущение технической фактуры текста» [2], разнообразных переплетений прошлого и настоящего, сна и яви. В одной сцене главная героиня Валентина постоянно перемещается в прошлое, возвращается в настоящее.

КАТЯ. (Сильно подвыпивши, о чем-то своем) А я ведь и до сих пор знаю, как любить. Валя, ты где? Куда пропала?

ВАЛЕНТИНА. Я в прошлом веке.

КАТЯ. Где? Говори громче, я на ночь вату с лекарством в уши вставляю.

ВАЛЕНТИНА. (Громко) В прошлом веке я. <...>

КАТЯ. Я в будущем.

ВАЛЕНТИНА. Нет, Катя, наше будущее уже прошло.

Кинематографическая поэтика в пьесе «Валентин и Валентина» проявляется на синтаксическом уровне. Это проявляется в употреблении автором сегментированных высказываний, коротких предложений:

КАТЯ. Что все это скоро закончится. Очень скоро. Сегодня. Я, Валентина, съезжаю с твоей квартиры. Сегодня. Очень скоро.

ВАЛЕНТИН. Это язык будущего. Скоро все так разговаривать будут.

КАТЯ. И я?

ВАЛЕНТИН. И ты. И я. И Родина твоя.

Известный исследователь литературной кинематографичности И. А. Мартынова выделяет языковой, речевой и текстовый аспекты синтаксической аналитичности. В тексте пьесы присутствуют речевые и текстовый аспекты аналитичности, «...проявляющейся в разрушении классической фразы и формировании так называемого рубленного типа прозы» [2].

Ярким примером речевой интонации является наличие в тексте устно-разговорных сокращений, передающих звучащую речь:

КАТЯ. Ёб тыть, моб тыть, что это?! Неужто случилось? Валюха, прости. Такова жизнь. Завтра все уберу. Все куплю, все восстановлю.

КАТЯ ...Я бы его купила, хоть за тысячу. Вот, ей богу, тысячи бы не пожалела за такое ружье. Купила бы и глазом не моргнула. Но, к сожалению, не могу. Потому что, оно и так уже мое. Хотя я бы и у себя его купила, если б была тысяча.

КАТЯ. Хэппи бевздень тую.

В пьесе используются также «...синтаксические синонимы односоставных именных конструкций, "главный компонент которых выражен предложно-падежной формой существительного" (Ильенко 1958)» [2], которые выполняют функцию заголовка, занимают инициальную позицию по отношению к целому отрывку из сцены.

Данные заголовки графически выделены прописными буквами, что дополнительно отделяет этот отрывок от всего произведения, как будто он вставлен из другой пьесы, произведения, прошлой жизни.

ПЕСНЯ КАТИ НА СТИХИ БОЛЬШОГО ПОЭТА

ПРОИЗНЕСЕНИЕ ВАЛЕНТИНОМ И ВАЛЕНТИНОЙ ПРОСТЫХ СЛОВ ИЗ ПЬЕСЫ ПРОШЛОГО ВЕКА М. РОЩИНА.

ПРИХОД КАТЕРИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА ЗА МАСЛОМ ПРОШЛОГО ВЕКА, В СЦЕНЕ ИЗ ПЬЕСЫ 'ВАЛЕНТИН И ВАЛЕНТИНА' ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА.

ПИСЬМО КАТИ ИЗ МОСКВЫ ВАЛЕНТИНУ В СИБИРЬ, ПЕРЕСКАЗАННОЕ ВСЛУХ

ПЛАЧЬ ПРОВОДНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, СЛУЧИВШИЙСЯ ПОСРЕДИ ОСЕННЕЙ АЛЛЕИ В 1985-ом ГОДУ.

Стоит обратить внимание на то, что именно в этих заголовках автор меняет имя героини Кати, называя ее Катериной и Екатериной. Возникают интертекстуальные связи пьесы «Валентинов день» с главной героиней пьесы Островского «Гроза»: знаменитый монолог Катерины «Отчего люди не летают...» и «МОНОЛОГ КАТЕРИНЫ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ КУПАНИЯ В ПРУДУ». В первом монологе-диалоге (Катерина разговаривает с Варварой), как мы помним, главная героиня рассуждает о своей несчастной судьбе, о желании улететь, стать счастливой, свободной. В пьесе «Валентинов день» монолог построен, как было сказано выше, по принципу вертикального монтажа, Катя рассуждает не только прелестях купания в пруду, но и ни том, что она хочет найти свое счастье: *«Я когда стою на берегу этого пруда, то всегда всматриваюсь, не плывет ли где черепаха Тартилла, с золотым ключиком в руках. Думаю, вот бы и мне так же повезло, как главному герою. Вот бы и мне за каким-нибудь старым ковром найти свое счастье! Вот бы и мне».*

Второй раз И. Вырыпаев меняет имя Кати в эпизоде «ПЛАЧЬ ПРОВОДНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, СЛУЧИВШИЙСЯ ПОСРЕДИ ОСЕННЕЙ АЛЛЕИ В 1985-ом ГОДУ». В этой сцене мы видим горе обманутой женщины, которую предал любимый. Слово «Плачь» написано с мягким знаком, что создает игру слов: жанр древнерусской литературы «плач» и глагол «плачь». Драматург подчеркивает эмоциональную составляющую данного эпизода предшествующей заголовку ремаркой: *«Катя пошла, по улице, да и расплакалась. Идет, ревет».*

Монтажность проявляется и в построении ремарочного блока пьесы. В ремарках происходит дополнительное развитие действия, сообщается о том, что думают и чувствуют герои, описывается место, где будут происходить события. Ремарки помогают Валентине путешествовать во времени из прошлого в настоящее и наоборот.

Композиционно драматург делит пьесу на два действия, которые в свою очередь делятся на сцены. Каждая сцена имеет собственный заголовок, количество сцен в каждом действии неодинаково: в первом действии 10 сцен, во втором 7.

В первом действии события происходят в советский и перестроечный период. В этой части пьесы автор активно использует технику монтажа в построении сцен, вставляя в пьесу отрывки из пьесы М. Рождина «Валентин и Валентина».

События второго действия пьесы происходят уже в постперестроечный период 90-х гг. В тексте появляются характерные черты этого времени: использование транслитерации, английских слов в речи «Сцены 1 *Язык будущего, или Vlianie zapada*», или *«Razgromlennay komnata. Sorokoletnii Valentin sidit na polu, drink Buski iz Gorla. Слегка пьян. Входит его жена».*

Автор использует прием кинометафоры, главный герой Валентин говорит фразами из американских боевиков 90-х годов, да и сам герой, произнося эти реплики, на короткое время превращается в героя фильма (наставляет на Катю ружье).

ВАЛЕНТИН. Слушай меня внимательно, детка. И без фокусов, ясно? Если не хочешь, чтобы я твои мозги, мать твою, размазал по стенке. У тебя проблемы. Большие проблемы. И ты должна мне помочь. Помоги мне не нажать на курок, сможешь? (Катя кивает головой) Ты меня хорошо поняла? Я спрашиваю, ты меня хорошо поняла?!

КАТЯ. Да.

ВАЛЕНТИН. Не слышу.

КАТЯ. Да я тебя поняла. Только я не пойму, откуда ты таких слов понабрался, видика что ли насмотрелся у Витьки?

ВАЛЕНТИН. Это язык будущего. Скоро все так разговаривать будут.

Сцена полна трагизма, Валентин после этих слов признается Кате, своей жене, что уже пять лет изменяет ей и что никогда ее не любил. Сцена прошлого завершается настоящим: в Катю стреляет Валентина из того же самого ружья. Пьеса «Валентинов день» – «...трагедия трех судеб, надломленных любовью, трагедия двух женщин, объединенных и разъединенных одним общим несчастьем и вынужденных с этой любовью и ненавистью жить в одной квартире» [4].

В пьесе «Валентинов день» И. Вырыпаева ярко проявляются приемы литературной кинематографичности, развивающейся на протяжении всего XX века и представляющей собой одну из главных доминант литературного текста.

Библиографический список

1. Вырыпаев, И. Валентинов день / И. Вырыпаев. – <https://www.libking.ru/books/poetry-/dramaturgy/149532-ivan-vyrypaev-valentinov-den.html>.
2. Мартьянова, И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности / И. А. Мартьянова. – СПб. : САГА, 2002. – 240 с.
3. Рощин, М. Валентин и Валентина / М. Рощин. – <https://www.litmir.me/br/?b=23561&p=1>.
4. Строглаева, Е. Июньские заметки о драматургии Ивана Вырыпаева / Е. Строглаева. – <https://www.ptj.spb.ru/archive/61/process-61/iyulskie-zametki-odramaturgii-ivana-vyrypaeva/>.